

4. Васильев Б.А., авт. инсц. — Любимов Ю.П., Тыгаловин Б.А.
 5. А зори здесь тихие...
 6. Москва — Московский театр драмы и комедии на Таганке
 7. реж. — Любимов Ю.П., Тыгаловин Б.А.
 худ. — Боровский Д.
 комп. — Буцко Ю.

Омская Правда
 г. Омск

-8 СЕН 1983

Гастроли Московского театра драмы и комедии на Таганке

Слезы великих войн невидимо живут в памяти поколений. Будня войны, героизм безвестного «боя местного значения» — один из эпизодов тяжелейшей нашей Победы — воскрешает спектакль Московского театра драмы и комедии на Таганке «А зори здесь тихие» — по повести Бориса Васильева (инсценировка Юрия Любимова и Бориса Глаголина. Постановка Юрия Любимова. Режиссер — Борис Глаголин, художник — Давид Боровский. Композитор — Юрий Буцко).

События, о которых рассказывает спектакль, происходили на севере нашей страны летом 1942 года. Нелегко пришлось заднему командунту, старшине Фелоту Евграфовичу Васкову (заслуженный артист РСФСР В. Шаповалов). Ратова он получил в свое подчинение беспособных и примитивных по всем статьям солдатиков, не имеющих и морально устойчивых, а в команде Васкова оказался молодой дивчата. И легла на плечи старшины забота, отнюдь не предусмотренная уставом, требовании от него и ответственности, и мужества, и выносливости.

Оформление спектакля, выполненное Давидом Боровским, лаконично, некаменно, совершенно в своей сжатости и суровой эстетической простоте. Жизненное и условное, поэтическое здесь, неразделимо, слито воедино. Красноречивы и образны детали. Кузов грузовика на первый план: похужилый брезент с скользящими пробоинами по краям спуска. Таким же кусками брезента зашита и вход в зал.

Спектакль составлен из эпизодов — комических и трагических, плотно пригнанных друг к другу. Фрагментарность здесь преодолевается полностью, действие является единым, неостановимым и логичным. Эпос и лирика, проза и поэзия,

У Вечного огня

сплохудная реальность и напыленные воспоминаний — все это органично, на одном дыхании переплелось в режиссерской партитуре спектакля. Самые изобретательные сценические построения, ухищрения сценической техники «играют» вместе с актерами, несут в себе духовный заряд поразительной силой.

Темный кузов грузовика, в котором приехали солдатники к месту назначения, постоянно трансформируется: то это — сарай, где живут бойцы, то — забор, на котором вышнвается белое, то — стены бани. Трагическое взрывает обжигательное — молниеносное. И вот уже на двух тропах с колоколен спускаются оцепенело недвижимые, как зловещий мирозд, фигуры немешких десантников, безумных автоматических убийц. И трекотка с номером ИХ 16—06, который читается как обозначение численного соотношения: наших — 6, фашистов — 16, — расчленена на составные дольки. Послушные воле создателя спектакля, доски превращаются в лес, мостики, болотную хлябь, окопное укрытие, распытие, на котором мы в последний раз видим девушек, сражающихся фашистскими пулями и ножками. На фоне этих же досок, как на экране, проходит — предсмертные видения и воспоминания героини, а также строгие, величественные отпавания в их память. И, наконец, в финале доска становится уже как бы частью погибших и кружится под звуки грустного вальса «В лесу прифронтовом», внося в спектакль пронзительную ноту, тревожащую до слез. Есть в этом приеме какая-то удивительная и потрясающая чистота, трепетная мысль и эмоция, как есть она и в сопрождающей спектакль музыке, которая по-

могает нам постичь его глубины.

Само название повести «А зори здесь тихие...» является контрастом к общей оценке событий, происходивших близ Легонова озера, где героически сражались и погибли пятеро солдатиков. Ушел один лишь старшина Васков. Он оказался бессильным заслонить от смерти тех, кто был рядом с ним. И обрывается навсегда «маленькие впиточки в бесконечной прище человечества».

В спектакле театра на Таганке роли пяти погибших девушек и старшины сыграны как судьбы. В их трагическом единении есть высший, омытый и большая правда. И прежде всего это относится к В. Шаповалову, который играет Васкова. Герой В. Шаповалова, человек нелегкой судьбы, выросший в медвежьих, таежных утлах, по-крестьянски основательный, он попал на военную службу и уступил ее азбучным истинам, записанные в уставе. В нетерпеливой похороде старшины, в комической веселости с какой он произносит нехитрые свои монологи, ощущается мастерски схваченная характерность.

Но в исключительных обстоятельствах Васков проявляет подлинное мужество. Артист во всей полноте и щедрости раскрывает нам глубину и могучую незаурядность натуры Васкова. В короткие часы перед боем перед старшиной «сталя дилемма: сохранить девушек как живые, увести их подальше от опасности, или же держать оборону, вступить в неравную борьбу, чтобы преградить врагу путь к Кировской дороге и Беломорскому каналу. И они уступают и бой... И кроме Васкова, погибает. Но враг не прощел. И казалась девичья судьба навечно в сердце Васкова.

Вот Женя Комелькова (артистка Н. Шацкая), озорная, смелая, дерзкая, исполненная небывалой, какой-то особенной русалочьей красоты. Под прицелом фашистских автоматов, скрытых в лесной чаще, с отчаянной решимостью плещется она в озере и ликующим возгласом зовет вообразимых десерубов. А мы за всем этим ощущаем ужас, живую и тяжелую, как ртуть, звучит мрачный музыкальный аккорд, и десантники начинают свой зловещий балет среди деревьев. Они отделились от нас целеной светового завеса, их движения синхронны и выверены, их лица едва различимы. Несовместимость таких понятий, как женщина и война, ползая в спектакле эстетически броско, метафорически: прекрасное полубогаженное тело кулапщницы и жуткая механическая отработанность в фигурах фашистов, от которых веет мертвешей безжалостностью.

Юную, 19-летнюю вдову пограничника Риту Осиповну играет артистка И. Кузнецова. Ее Рита — бескомпромиссная, решительная, выросшая в атмосфере суровой доводной романтики. Оплавленная горем и войной, она прятала свою нежность и женственность под броней замкнутости и аскетизма. И верила в свое «завтра», которое пополамало для нее в маленьком сыне. Артистка берет своей духовностью, непосредственностью, чистотой, душевной тонкостью, пластичностью выразительностью.

...Прозвучали пять предсмертных криков, пять песен опетальных, зарыла на снеге старшина Васков, пылуящую пламя в темном фоне — пламя пяти огняшек в снарядных гильзах. И возлюбленные зрители расходятся в отблесках Вечного огня, благодарные театру за спектакль, созданный нашей сегодняшней творческой силой и чело- «С КУЛЫГИНА»

ных событий и встреч, которые подарят ей жизнь. С отчаяния бросилась девушка под автоматную очередь, туда погнал ее страх, стужой и чужбинный.

Нелегко сложилась жизнь Лизы Бричкиной (актриса М. Полищук), дочери лесника с дальнего жордона. Ей так и не удалось окончить школу, нужно было помогать отцу. Но и она, как и ее подруги, до последнего мгновения верила в свое будущее, полное радости, доверия к людям, пробужающейся нежности к Васкову. Этот образ отличается четко обозначенная характеристика, правдивость и выразительность сценического прожития. Известие о гибели Лизы выливается в спектакль еще один трагический аккорд. Жутко, пронзительно раздается предсмертный крик Лизы, и нестерпимо белые молящие руки, вместилившись над гробовой доской нарывающего ее болота, входят в наше сознание «крупным планом», якой и выразительной метафорой.

Страшна легким, почти невыносимым рыком смерть Сергея Гуркина, поджарившей за кистом старшины. Хуленый застенчивый очкарик (артистка Н. Сайко), студентка университета, которая даже в смертной обороне не расстается с томиком Блока, Соня покоряет своей духовностью, непосредственностью, чистотой, душевной тонкостью, пластичностью выразительностью.

...Прозвучали пять предсмертных криков, пять песен опетальных, зарыла на снеге старшина Васков, пылуящую пламя в темном фоне — пламя пяти огняшек в снарядных гильзах. И возлюбленные зрители расходятся в отблесках Вечного огня, благодарные театру за спектакль, созданный нашей сегодняшней творческой силой и чело- «С КУЛЫГИНА»

НА СНИМКАХ: сцены из спектакля.

Фото С. Салопко.